

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

УДК 261.6

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-603-613

Понятийные маркеры соотношения статики и динамики современного русского православия

Гаврилов О.Ф., Жукова О.И., Казаков Е.Ф.

Кемеровский государственный университет,

Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

gof57@yandex.ru, oizh@list.ru, kemcitykazakov@mail.ru

Аннотация. Русская православная церковь остается важным фактором социальных процессов современной России, поэтому ясное понимание возможных вариантов ее будущего развития является значимой предпосылкой выработки принципов взаимодействия церкви и общества, сохранения культурной преемственности при усвоении новых стандартов жизни. В ходе активной дискуссии, посвящённой этой теме, адекватность терминов, в которых она ведется, остается в тени. Целью исследования как раз и стало определение степени соответствия понятийного инструментария, используемого при обсуждении проблемы соотношения изменчивости и константности русского православия в условиях турбулентных трансформаций глобального масштаба. Логико-гносеологический анализ дефиниций «консерватизм», «фундаментализм», «либерализм», «мобилизационность», «инновационность» и др. применительно к внутрицерковным процессам позволил авторам установить их ограниченную применимость и указать на те предпосылки, которые в лице диалогичного обращения к живому опыту Священного Предания смогут обеспечить оптимальное соотношение статики и динамики в русском православии, гарантировать единство сохранения фундамента веры и её имплементацию в новых условиях.

Ключевые слова: русское православие, традиция, консерватизм, фундаментализм, либерализм, мобилизационная модель, инновационная модель, акривия, икономия, Священное Предание

Для цитирования: Гаврилов О.Ф., Жукова О.И., Казаков Е.Ф. 2023. Понятийные маркеры соотношения статики и динамики современного русского православия. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 48(3): 603–613. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-603–613

Conceptual Markers of the Correlation of Statics and Dynamics of Modern Russian Orthodoxy

Oleg F. Gavrilov, Olga I. Zhukova, Evgeny F. Kazakov

Kemerovo State University,

6 Krasnaya St, Kemerovo 650000, Russian Federation

gof57@yandex.ru, oizh@list.ru, kemcitykazakov@mail.ru

Abstract. The Russian Orthodox Church remains an important factor in the social processes of modern Russia, so a clear understanding of possible options for its future development is a significant prerequisite for developing principles of interaction between Church and society, preserving cultural continuity while

assimilating new standards of life. During the active discussion devoted to this topic, the adequacy of the terms in which it is conducted stays hidden. The purpose of the article was precisely to determine the degree of conformity of the conceptual tools used in discussing the problem of the relationship between the variability and constancy of Russian Orthodoxy in the conditions of turbulent transformations on a global scale. The logical and epistemological analysis of the definitions as "conservatism", "fundamentalism", "liberalism", "mobilization ability", "innovativeness", etc. in relation to the intra-church processes allowed the authors to establish their limited applicability and point out those prerequisites that, represented by a dialogical appeal to the living experience of Sacred Tradition, will be able to ensure an optimal balance of statics and dynamics in Russian Orthodoxy, guarantee the unity of preserving the foundation of faith and its implementation in new conditions.

Keywords: Russian Orthodoxy, tradition, conservatism, fundamentalism, liberalism, mobilization model, innovative model, acrybia, church economy (the divine economy), Sacred Tradition

For citation: Gavrilov O.F., Zhukova O.I., Kazakov E.F. 2023. Conceptual Markers of the Correlation of Statics and Dynamics of Modern Russian Orthodoxy. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 603–613 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-603–613

Введение

Взгляду постороннего человека состояние Русской православной церкви представляется достаточно монолитным: её динамика, внутреннее многообразие, разнонаправленные тенденции остаются почти незаметными. На самом деле жизнь церкви наполнена внутренними противоречиями, поиском оптимальных условий гомеостаза. Одним из важных тематических стержней, вокруг которых разворачивается дискуссия в религиозной сфере, оказывается отношение к традиции. Среди субъектов противоположных мнений в обсуждении этой проблемы можно назвать имена известных клириков и церковных активистов из мирян, представителей светских общественных институтов, авторов из числа священников и учёных [Филатов, 2012; Лункин, 2018; Апполонов, 2021; Ашков, 2021, Чапнин, 2021 и др.].

Описание любой культурной традиции предполагает оценку допустимости/недопустимости, наконец, меры её трансформаций. Эта тема привлекает многих людей и служит предметом эмоциональных споров потому, что является своеобразной призмой, отражающей перспективы религиозной жизни. Соответственно, предметом специального рассмотрения становится баланс консерватизма и либерализма в рамках церковной жизни в целом [Анашкин, 2012], в Русской Православной церкви в частности [Зайцева, 2018]. В исследованиях, посвящённой этой теме, делается акцент либо на необходимости активного приспособления церкви к реалиям сегодняшнего дня, либо на важности бережного сохранения святоотеческих традиций. Авторы при этом учитывают исторический контекст, в рамках которого разворачивается полемика по этому вопросу. Они анализируют процессы секуляризации современного общества [Кокс, 1996; Малахов, Летняков, 2021], наглядно проявляющиеся в призме различных вариантов взаимодействия церкви и государства [Штекль, 2018].

Острота и актуальность этого вопроса обусловлены тем, что сегодня в обществе происходят глубокие, затрагивающие его основы, изменения, которые вполне можно назвать тектоническими сдвигами. Рождается новый мир. Естественно, что эти процессы не могут не затронуть сферу религии. Они вторгаются в её границы, влияют на характер происходящих в ней событий. Для описания этих процессов необходимо понимание того, насколько надёжен понятийный аппарат, который используется для этого. Проблема состоит в том, что отечественных разработок по данной тематике сегодня практически нет.

Задача данного исследования как раз и состоит в том, чтобы осуществить проверку логического соответствия терминологии, в которой происходит обсуждение необходимости и готовности церкви реагировать на вызовы быстро и радикально изменяющейся реальности, сохраняя при этом свою идентичность и преемственность с прошлым.

«Фундаментализм», «консерватизм», «либерализм»: оценка логической адекватности понятий

Как правило, в качестве возможных тенденций, в рамках которых раскрывается определённое отношение к традиции, называют консервативную и реформаторскую позиции. Всё остальное – не более чем их оттенки. В первом приближении консерваторы – это все те, кто выступает против нововведений, стремится сохранить в разных сферах религиозной жизни статус-кво, активно противодействует попыткам от него отказаться. Тогда к числу реформаторов могут быть причислены люди, не удовлетворенные сегодняшним состоянием РПЦ, усматривающие в её динамике признаки стагнации и призывающие создать более *свободные* условия существования церкви, сделать её открытой современным общественным трендам, в том числе тенденциям различных христианских конфессий и деноминаций на Западе. Используемый для описания этой позиции термин «свобода» позволяет реформаторов с определённой долей условности рассматривать одновременно как либералов.

Но эта дихотомия в лице религиозных консерваторов и либералов слишком абстрактна и в полной мере не отражает нюансы отношений субъектов религиозной активности к происходящим процессам, видению перспектив, взаимодействию друг с другом. Если пользоваться этими критериями деления, то 99 % участников религиозного движения в русском православии, под которым здесь и далее мы будем понимать Русскую православную церковь, следует отнести к центристам. Ими могут быть названы те, кто, признавая важность сохранения аутентичного облика РПЦ, вместе с тем согласны с необходимостью его изменения в отдельных сферах.

Следовательно, «консерваторы» и «либералы» – не более чем логические инструменты, применение которых ведёт к упрощению в чём-то реальной картины религиозной жизни. Тем не менее эти понятийные маркеры соотношения статики и динамики современного русского православия оказываются необходимым условием понимания того, что в ней происходит. С этой точки зрения консерватизм и либерализм в религии нами рассматриваются, во-первых, как реперные точки на шкале, между которыми вмещаются разнообразные оттенки мнений, от фундаментализма, через традиционализм, модернизм, умеренный либерализм, до крайнего либерализма. Различия между ними не очевидны, но тем не менее определённые оттенки всё же различимы. Во-вторых, эти маркеры могут использоваться как названия не столько отдельных людей или некоторых групп, сколько определённых тенденций. Очевидно, что тенденции сами по себе не существуют, их носителями являются реальные персоны. Но высказывания последних бывают часто довольно противоречивы (относительно одного вопроса они выступают как консерваторы, относительно другого – как либералы), и потому определить их принадлежность только к одному из направлений оказывается непросто. Тем не менее это делается, принадлежность определяется, и, как правило, это происходит в ходе полемики, когда данные ярлыки наполняются негативной коннотацией и приклеиваются к оппонентам для их дискредитации. Это как раз и есть третье значение терминов «консерваторы» и «либералы». Конечно, возможны и такие случаи, когда участник дискуссии по религиозной тематике сознательно идентифицирует себя в качестве консерватора, либерала и т. п. Однако чаще всего собеседники стараются избегать тесных рамок этих и подобных им определений.

То, что терминологические ограничения и мировоззренческие предпочтения иногда мешают выразить важные смысловые оттенки, показывает хотя бы сравнительный анализ таких понятий, которыми обозначаются особенности «правых» позиций в отношении к традиции – «консерватизм» и «фундаментализм». На наш взгляд, провести между ними чёткую границу весьма затруднительно. Казалось бы, содержание понятия религиозного фундаментализма раскрыто. В частности, принято считать, что православный фундаментализм является крайней формой консерватизма. То есть эти понятия находятся в отношении подчинения, а видовое отличие фундаментализма состоит в том, что он представляет

собой предельно радикальную форму сознания и активности. В ракурсе этого мировоззрения истинному христианству угрожает серьёзная опасность в лице как внешних врагов, так и внутренних. В качестве первых рассматривается мир в современных формах своего проявления, к которым можно отнести процессы глобализации и, как их частный случай, – экуменизм, внедрение в повседневную жизнь (в медицину, образование, организацию жизни городов) цифровых технологий, любые новации в культовой составляющей церковной жизни. Внутренние угрозы видятся в дефиците идейного и организационного единства, который ослабляет церковь, делает её менее сильной и способной к самосохранению и развитию. Фундаментализм сопровождается сознанием радикальной эсхатологичности, самоощущением гонимого меньшинства, неприятием церковной иерархии, конструированием реальности посредством выборочного подхода к традиции, когда из нее вычлняются удобные элементы [Макаркин, 2021]. Реакцией на угрожающие факторы выступают либо активное сопротивление, либо изоляция.

В качестве иллюстрации первого варианта действия можно привести недавнюю историю бывшего схиигумена Среднеуральского женского монастыря под Екатеринбургом Сергия (в миру Николай Романов), выступившего с критикой государственных и церковных руководителей, организовавшего в монастыре противостояние власти и приговоренного к 3,5 годам колонии по делу о склонении к самоубийству, нарушении права на свободу совести и вероисповедания. Примером крайнего изоляционизма могут стать события 2007–2008 гг., когда группа верующих («пензенские затворники»), называвших себя православными христианами, но формально не относящихся ни к одной из канонических православных инстанций, ушли в «добровольный затвор», то есть в выкопанное ими под землей.

Эти примеры, конечно, представляют собой наиболее радикальные формы активности в русском православии. Но возникает вопрос: несут ли они в себе нечто настолько оригинальное, что позволяет их рассматривать как уникальное, то есть нехарактерное для православия в целом явление? Думается, что нет. РПЦ в своём современном состоянии демонстрирует большое количество менее эффективных сюжетов, но по существу подобных тем, что были описаны выше. Будучи широко распространёнными, они несут в себе сильный заряд протестной энергии, направленной против каких-либо изменений.

Это касается, например, отношения представителей клира и мирян к ограничениям, связанных с распространением COVID-19. Речь идёт о соблюдении санитарной дистанции во время службы, ношении санитарных масок в церковных помещениях, необходимости дезинфекции лжицы в ходе Святого Причастия, да и вообще – посещения храмов в периоды обострения эпидемии. Показательно, что, несмотря на разумность антиковидных мер, значительная часть руководителей подразделений РПЦ и довольно большие церковные группы отрицательно отнеслись к этим ограничениям, исходя из убеждения, что «Бог не попустит». И, хотя в основном это противодействие носит тихий, неявный характер, оно тем не менее прозрачно демонстрирует сопротивление церковной власти. Достаточно выражено неприятие и таких тем, как перевод богослужения на русский язык, разделение таинств исповеди и причастия [Ашков, 2021, с. 35], переход на григорианский календарь, мера и формы взаимодействия с другими христианскими конфессиями и т. д.

Деятельность в сфере русского православия полна примерами оппозиции государственной и даже церковной власти, как в виде попыток активного сопротивления, так и изоляции, которые были описаны выше. Здесь и мероприятия по подготовке референдума о запрете абортов, идея которого входит в противоречие с законодательной политикой государства, и движение в сторону изоляционизма, наблюдаемое, например, в модели семейного образования [Штекль, 2018]. Считать ли это проявлением фундаментализма или только консерватизма – вопрос предпочтений.

РПЦ сквозь призму концепта «либерализм»

Есть основания предполагать, что представители либеральной позиции в оценке современного состояния РПЦ принципиальной разницы между «консерватизмом» и «фундаментализмом» не видят, для них это – тождественные понятия. Но нет и чёткой границы между «либералами», «консерваторами», «центристами». Существует мнение, что настоящему либеральной повестке в РПЦ не сформировалась и любая критика настоящего положения дел в церкви исходит из консервативных позиций. О «церковных либералах» С. Чапнин пишет так: «Это эмоционально окрашенный симулякр. Правда состоит в том, что никакой последовательной церковно-либеральной программы в России не существует... Здесь надо говорить не о "либералах", а о либерально-консервативном синтезе и, соответственно, о "центристах", то есть о большинстве членов Церкви. Все те, кто выступают с критикой сложившихся церковных практик, делают это чаще всего с консервативных позиций...» [Чапнин, 2021, с. 8]. Видимо, это в большой степени соответствует действительности и обусловлено историческим опытом страны и самой Русской православной церкви хотя бы в лице церковного раскола XVII века и так называемого обновленческого раскола 20-х гг. XX века. То, что происходило, в частности, в первой половине прошлого века, заставляет представителей клира относиться сегодня к возможным реформам очень настороженно.

Пусть церковный либерализм как выраженная и представительная платформа внутри РПЦ не оформился, но существование либеральных умонастроений относительно церкви среди представителей светского общества – медийных персон, публицистов, учёных-религиоведов – очевидно. Поэтому имеет смысл взглянуть на РПЦ сквозь призму понятия «либерализм» и дать ей оценку с этой точки зрения. Несмотря на то, что позитивная программа либеральных преобразований РПЦ не сформулирована, некоторые аспекты её содержания реконструировать не очень сложно. Материалом для нашей реконструкции главных тезисов либеральной позиции служит исходящая из неё критика РПЦ. Если эту критику эксплицитировать в положительных формулировках, то складывается следующая картина.

Религиозное сообщество современной России должно стать ближе к европейским стандартам организации церковной жизни [Малахов, Летняков, 2021]. Это, в частности, означает, что клерикоцентричность как отличительная особенность институционализации современного русского православия должна быть скорректирована в направлении более демократических форм. Строгая иерархия церковных структур, авторитарный стиль руководства, характерный для всей вертикали церковной власти, является препятствием на пути религиозного творчества и свободного самовыражения. Нельзя ограничивать источник церковного авторитета и принятия решений только высшими иерархами, тем более, что их авторитет, по мнению критиков РПЦ, иногда вызывает сомнение. Не удовлетворяет их даже особа патриарха: «Кирилл и его единомышленники проповедуют не веру в Бога, а неославянофильскую идеологию национального возрождения, по сути своей светскую» [Филатов, 2012, с. 34]. Необходимо создать условия, обеспечивающих внутрицерковный диалог, включающий голоса не только архиереев, но и других представителей церковной иерархии (церковнослужителей, дьяконов, пресвитеров), а также мирян. Следует отказаться от возведения обрядовых практик в высшую добродетель, как это происходит, например, во время Причастия без дезинфекции лжицы. Приоритетом должны стать жизнь и здоровье человека, возможность его свободного выбора.

Дефиниции «мобилизации» и «инновации» как маркеры дилеммы русского православия

Тема социальной роли христианства на Западе сегодня стала предметом живой полемики между специалистами-религиоведами. Она интересна тем, что, по мысли её участников, помимо прочего, является способом прогнозирования перспектив РПЦ. В ходе

дискуссий высказываются различные мнения, причём в них находят отражение не только общеевропейские, но и региональные особенности. Отмечается, что если в одних западных странах доля людей, относящих себя к агностикам, составляет около половины населения (Великобритания, Франция), то в других – неверующие образуют относительно небольшую долю.

Так, о важности религии в своей повседневной жизни, согласно исследованию межконфессиональных отношений, организованном Европейской комиссией, заявили 72 % итальянцев¹. В свою очередь Р. Старк, признавая, что объективная религиозность (посещаемость служб, членство в религиозных организациях) в Европе снижается, отстаивает положение, согласно которому субъективная религиозность (совокупность соответствующих идей и чувств), как и раньше, остаётся на высоком уровне. Однако А. В. Аполлонов, ссылаясь на статистические данные, утверждает, что факты, приведённые Старком, за последние 30–40 лет устарели и число тех, кто не исповедует никакой религии, за это время выросло почти в 20 раз. Причём это касается не только европейских стран, но и США, Великобританию [Аполлонов, 2021]. Оценку А. В. Аполлонова фактически ставит под сомнение Р. Н. Лункин: «Важным фактором трансформации церковных форм деятельности и демократизации церквей стало неожиданное и для самих церквей отсутствие фатального упадка веры, который бы сводил роль церковных структур к роли лишь "хранителей культуры". Несмотря на падение численности верующих практически во всех европейских странах, христианство остается ведущей религиозной силой континента» [Лункин, 2018, с. 48].

Эти противоречивые тенденции западного христианства активно интерпретируются в проекции на происходящее в РПЦ. Те авторы, которые категорично не удовлетворены её состоянием и дают ей негативную характеристику с точки зрения либеральных позиций, заявляют, что церковь должна преодолеть нежелание идти в ногу с прогрессивным Западом и включиться в процессы модернизации и секуляризации, перенимая ценности светского общества. Например, толерантность, ставшая нормой на Западе и постепенно принимаемая общественным сознанием россиян, должна быть в полной мере представлена и в религиозной жизни. А. Шишков, воспроизводя логику данной точки зрения, говорит о недопустимости для её сторонников такой ситуации, когда некоторые группы оказываются угнетёнными или даже выведенными за пределы церкви: женщины (женщина, согласно М. Лютеру, в лице Евы – «блудница чёртова»), люди нетрадиционной сексуальной ориентации, некрещённые, человеческие эмбрионы и т. д. Они очень влияют на жизнь церкви, «...странное и темное принадлежит к церковному бытию, а не инородно по отношению к нему» [Шишков, 2021, с. 71]. В продолжении этой темы исподволь подготавливается почва и для появления института женского священства [Семенова В., Семенова Л., 2017], звучат призывы к активному развитию межконфессиональных контактов, к включению в экуменический процесс, к отказу от мобилизационной модели развития и предпочтению инновационного пути религиозной эволюции.

Остановимся на последнем пункте чуть более подробно. Понятие «мобилизационное развитие» пришло в общественное сознание из военной практики и прочно утвердилось, отражая некоторые специфические стандарты социальной динамики. Мобилизационная модель, согласно С. А. Баканову, предполагает, в частности, наличие внешней угрозы и, как следствие, постановку чрезвычайных целей, использование чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм [Баканов, 2013, с. 87]. Максимальная мобилизация осуществляется средством самосохранения и предполагает готовность к предельным усилиям и большим жертвам. Это оказывается возможным при определенном содержании менталитета, где находят место культурные и политические особенности социума. Первые предполагают актуализацию ценностей патриотизма, национализма, исторической преем-

¹ См.: Gallup Coexist Index 2009: A Global Study of Interfaith Relations, European Commission, 08.05.2009, p. URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/librarydoc/the-gallup-coexist-index-2009-a-global-study-of-interfaith-relations>, accessed on 05.11.2020 (дата обращения: 23.02.2022).

ственности, вторые – ценности консолидации власти и народа. Этому пути развития противопоставляется иной вариант социальной модели, получивший название инновационной. Инновационный тип развития общества или какой-либо его сферы предполагает ориентацию на поиск, подготовку и реализацию нововведений для улучшения жизни людей. Именно инновационные принципы организации социума обеспечивают его конкурентоспособность и эффективность, а опора на нормы мобилизации обрекают систему на постоянное отставание в соревновании систем и стагнацию.

В своём обстоятельном исследовании, посвященном современному состоянию русского православия, Б. Кнорре и А. Засядько показывают, что в РПЦ очень распространены антиэкуменические настроения, основой которых является как раз принцип «мобилизации» церковной жизни, утверждающей приоритет ценностей сакралитета и пассионарности как готовности к жертвенности. Для носителей этих ценностей «неприемлемы требования религиозной и в целом культурной толерантности, принятые в условиях глобализации и имеющие по большей части ориентацию на ценности современного западного мира. Сакралитет и пассионарность – нечто такое, что прямо противоположно принципу толерантности», – отмечают они [Кнорре, Засядько, 2021, с. 302]. То есть мобилизационная модель, сакралитет и пассионарность, по мнению авторов, представляют собой препятствие на пути нормального развития церкви.

Но зададимся вопросом: насколько адекватны понятия «мобилизации» и «инновации» для описания бифуркации религиозных процессов? На наш взгляд, применение понятия «инновационная модель» по отношению к церкви не является вполне корректным. Проясним эту мысль. Во-первых, то, что РПЦ, да и христианство в целом, должно находиться в состоянии постоянной мобилизации, – естественно. Христианство сегодня действительно сталкивается с чрезвычайной угрозой со стороны внешних факторов. Благотворительная организация Open Doors опубликовала рапорт о преследовании христиан в мире в период с 1 октября 2020 г. по 30 сентября 2021 г.¹ Не вдаваясь в подробности этих данных, отметим, что по причинам религиозной принадлежности христиан убивают, всячески ущемляют, на их культовые сооружения посягают. И интенсивность этих атак растёт в геометрической прогрессии. Причём с подобного рода рисками христиане встречаются не только в странах, где исповедуются в основном нехристианские религии, но и в Европе². К сожалению, всё это неожиданностью не является. О необходимости постоянной готовности христиан к жертвенности предупреждают слова самого Христа: «Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас...» (Ин. 15:20).

Во-вторых, ожидать некой инновационности от такого общественного института, как религия, не следует. Если церковь включится в процессы глубокой трансформации, которые уже долгое время являются характеристикой процессов общественного развития, она утратит свою сущность, превратится в феномен, не имеющий никакого отношения к религии. Д. П. Анашкин прав, отмечая: «Обвиняющим Церковь в консерватизме можно ответить, что она консервативна по самой своей сути. В сознании верующих она ассоциируется с вечным и неизменным. Поэтому попытки радикально осовременить Церковь, приспособить ее к сиюминутным желаниям тех или иных слоев населения заведомо обречены на провал» [Анашкин, 2012, с. 47].

Наконец, утверждать, что «сакралитет» и «пассионарность» должны уступить место толерантности, значит игнорировать саму природу религиозности. Религия без сакрального – не религия. Более того, ощущение сакрального, то есть того, что противостоит профанному, свойственно не только религиозной, но и светской культуре, с той лишь разни-

¹ 360 млн христиан подвергаются высокому уровню преследований // CNLNEWS. Информационное агентство. 26.12.22. <https://cnl.news/2022/01/26/464160> (дата обращения: 20.02.2022).

² Число преступлений на почве ненависти к христианам резко выросло в Европе в 2020 году // Православие.Ru. 24.11.2021. <https://pravoslavie.ru/143068.html> (дата обращения: 20.02.2022).

цей, что религия устанавливает связь со священным путем обращения к трансцендентному, а символы светской культуры – к трансцендентальным основаниям. Но даже и в последнем случае соприкосновение с сакральным вызывает яркие чувства, готовность к подвигу и жертвенности, то есть демонстрирует то, что близко к пассионарности [Гаврилов, Гаврилов, 2020]. Однако справедливости ради стоит сказать, что по мере того, как сакральность в светской культуре уменьшается, её энергетика постепенно остывает, своеобразие и колорит стираются, смысл жизни растворяется. Как говорил о вырождении культуры Х. Кокс, постепенно секуляризация «вытесняет сакральный порядок и порождает собственную систему, которую мы назвали организацией...» [Кокс, 1996, с. 178–179, 185]. Не трудно догадаться, что в данном случае автор использовал термин «организация» не для обозначения добровольного объединения людей, а как синоним безжизненной, лишённой оригинальности социальной системы. Это предупреждение протестантского теолога позволяет наглядно представить, что произойдет с русским православием, если его избавить от «сакральности» и «пассионарности».

Акривия как основа веры, икономия как средство её актуализации

Предпринятая выше попытка реконструкции либеральной позиции в оценке РПЦ не должна восприниматься как полное неприятие либерализма, в том числе и религиозного. Принципиальное противопоставление консерватизма и либерализма в религии возможно только в процедурах логического анализа как результат метода идеализации. «Истинный либерализм и истинный консерватизм неразрывно связаны друг с другом», – заключает Т.И. Зайцева в результате исследования связи между русским либерализмом, консерватизмом и православием [Зайцева, 2018, с. 142]. На самом деле практическая жизнь религиозных институтов подразумевает поиск оптимального сочетания статики и динамики. Сохранение традиции до определённых пределов не исключает, а, напротив, предполагает изменения.

Для обозначения этих в определённой степени противоположных сторон используются понятия акривии и икономии. Первая дефиниция указывает на приоритет сохранения незыблемости основ веры, а вторая – на допустимость их корректировки в соответствии с запросами времени. В истории РПЦ, в теологических и философских спорах по поводу проблемы соотношения этих тенденций высказывались разные точки зрения, однако при ясном понимании того, что ничем не ограниченная икономия закономерно ведёт к протестантскому варианту христианства, в котором единство источника веры утрачивается, а ему на смену приходит множественность индивидуального.

Но и препятствия на пути живой эволюции русского православия в виде застывших религиозных форм чреваты гибельными последствиями. Поэтому Церковь ориентируется на баланс этих моментов развития религии. «Господствующим течением в современном богословии выступает "золотая линия церкви", рассматривающая христианскую традицию как итог органичного сочетания вечного и временного, божественной неизменности и человеческой относительности» [Лебедев, 2015, с. 101]. Сохранение основ православной веры обеспечивается Священным Преданием, составляющим стержень духовной преемственности. Но и Священное Предание не следует воспринимать как однажды рождённое явление, сохраняющееся и поныне в своём неизменном виде. Оно – процесс, однажды начавшийся, продолжающийся развиваться и сейчас. Начиная с апостольских времён, эстафета преемственности передаётся всё далее через поколения вплоть до сегодняшнего дня. Пройдя через разрозненность первых христианских общин, преодолев распри тринитарных, христологических и др. споров, найдя единство в Никео-Цареградском Символе веры и утвердившись в решениях Вселенских, Поместных соборов, в рефлексии святоотеческой литературы и канонического права, Священное Предание живёт, сохраняя главное, но одновременно адаптируясь к тем, кто сегодня к нему обращается.

Заключение

Русское православие сейчас сталкивается с противоположными тенденциями. Одна из них проявляется в стремлении приспособиться к изменениям общества, в наибольшей степени соответствовать им. Она питается теми радикальными социальными трансформациями, которые имеют глобальный характер и естественно проникают в сферу религии. Встречная линия активности, напротив, воспринимает возможные реформы как опасность, угрожающая целостности, сохранению идентичности православия, да и самой возможности существования веры. Те маркеры, которые применяются для обозначения этих трендов: «консерватизм», «фундаментализм», «либерализм» и пр. – с одной стороны, являются необходимым терминологическим инструментарием, с помощью которого можно в определённой степени раскрыть содержание религиогенеза. С другой – они демонстрируют свою ограниченность, проявляющуюся в отсутствии четких границ в процедуре определения их содержания, а следовательно, в неспособности адекватно выразить нюансы происходящего. Эта дефицитарность понятийного аппарата предполагает взвешенное и в определённой степени критическое отношение к его познавательному потенциалу.

Применение этих понятий является индикатором проблемы – какой быть православной церкви России в будущем: должна ли она открыться тенденциям современного общества или замкнуться в своей самодостаточности. В защиту каждого из этих вариантов специалистами, представителями медийного пространства высказываются свои аргументы. Но ни тот, ни другой путь нельзя признать приемлемым, поскольку каждый из них несёт либо угрозу утраты аутентичности РПЦ, либо возможность её стагнации и в конечном случае – разрыва с социумом. Решение этой дилеммы предполагает постоянное диалогичное общение со Священным Преданием как условием сохранения веры, как способом его актуализации в соответствии с повесткой нашего времени в результате достижения соборного согласия.

Список литературы

- Анашкин Д.П. 2012. Церковный консерватизм в современном обществе. *Полития*, 4(67): 45–64.
- Апполонов А.В. 2021. Родни Старк, субъективная религиозность и затянувшееся прощание с теорией секуляризации. *Концепт: философия, религия, культура*, 5(3): 101–112.
- Ашков Г. (протоиерей) 2021. Искажение традиции или законное историческое развитие? В кн.: Системные проблемы Православия: анализ, осмысление, поиск решений. Материалы второго семинара. М., Проект «Соборность»: 33–45.
- Баканов С.А. 2013. Мобилизационная модель развития советского общества: проблемы теории и историографии. *Вестник Челябинского государственного университета. История*, 56-18(309): 87–92.
- Гаврилов О.Ф., Гаврилов Е.О. 2020. Сакральное в светских символах. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*, 52: 44–51.
- Гаврилов О.Ф. 2020. Всесокральность культуры в контексте антидиффамационного законодательства. В кн.: Социальные коммуникации: философские, политические, культурно-исторические измерения. Сборник статей I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Кемерово, Кемеровский государственный университет: 40–43.
- Зайцева Т.И. 2018. Либерализм и православие: неслиянны и нераздельны. *Идеи и идеалы*, 1(2): 141–157. DOI: [10.17212/2075-0862-2018-1.2-141-157](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-1.2-141-157).
- Кнорре Б., Засядько А. 2021. Православный антиэкуменизм 2.0: мобилизационная модель, секьюритизация и реваншизм. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 2(39): 277–317.
- Кокс Х. 1996. Мирской град. Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М., Вост. лит., РАН, 264 с.
- Лебедев И.А. 2015. Генезис принципа «единство во множестве» в Священном Предании Православной церкви. *Вестник Чувашского университета*, 4: 121–134.
- Лункин Р.Н. 2018. Общественно-политическая роль религии в Европе: запрос на христианскую идентичность. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 11(4): 46–64. DOI: [10.23932/2542-0240-2018-11-4-46-64](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-46-64)

- Макаркин А. 2021. Критерии фундаментализма в Русском Православии. В кн.: Системные проблемы Православия: анализ, осмысление, поиск решений. Материалы второго семинара. М., Проект «Соборность»: 97–107.
- Малахов В., Летняков Д. 2021. Постхристианское или постатеистическое общество? Некоторые особенности российского режима секулярности. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 39(1): 245–266.
- Семенова В.Э., Семенова Л.Э. 2017. Христианская церковь в современном мире: ее сущность, традиция андроцентризма и новые тенденции. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 1: 115–122. DOI: [10.17072/2078-7898/2017-1-115-122](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-1-115-122).
- Филатов С. 2012. Патриарх Кирилл — два года планов, мечтаний и неудобной реальности. В кн.: Православная Церковь при новом патриархе. Под ред. А. Малашенко, С. Филатова. М., РОССПЭН, 9–68.
- Чапнин С. 2021. Предисловие. Несколько слов о «церковном либерализме». В кн.: Системные проблемы Православия: анализ, осмысление, поиск решений. Материалы второго семинара. М., Проект «Соборность»: 7–9.
- Шишков А. 2021. Кто скрывается в тени: контуры темной экклезиологии. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 39(2): 61–89.
- Штекль К. 2018. Три модели церковно-государственных отношений в современной России. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 3: 195–223.

References

- Anashkin D.P. 2012. Tserkovnyy konservatizm v sovremennom obshchestve [Church conservatism in modern society]. *Politiya*, 4(67): 45–64.
- Appolonov A.V. 2021. Rodni Stark, sub"ektivnaya religioznost' i zatjanuvsheesya proshhanie s teoriey sekulyaritsatsii [Rodney Stark, subjective religiosity and the prolonged farewell to the theory of secularization]. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(3): 101–112.
- Ashkov G. (Archpriest) 2021. Iskazhenie traditsii ili zakonnoe istoricheskoe razvitie? [Distortion of tradition or legitimate historical development?]. In: Systemic problems of Orthodoxy: analysis, comprehension, search for solutions. Materials of the second seminar. М., Sobornost Project: 33–45.
- Bakanov S.A. 2013. Mobilizatsionnaya model' razvitiya sovetskogo obshchestva: problemy teorii i istoriografii [The mobilization model of the development of Soviet society: problems of theory and Historiography]. *Bulletin of Chelyabinsk State University. History*, 56-18(309): 87–92.
- Gavrilov O.F., Gavrilov E.O. 2020. Sakral'noe v svetskikh simbolakh [Sacred in secular symbols]. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 52: 44–51.
- Gavrilov O.F. 2020. Vsesakral'nost' kul'tury v kontekste antidiffamatsionnogo zakonodatel'stva [The all-sacredness of culture in the context of anti-defamation legislation]. In: Social communications: philosophical, political, cultural and historical dimensions. Materials of the Ist All-Russian Scientific and practical conference with international participation. Kemerovo, State University: 40–43.
- Zaitseva T.I. 2018. Liberalizm i pravoslavie: nesliynny i nerazdel'ny [Liberalism and Orthodoxy: not merged and inseparable]. *Ideas and Ideals*, 1(2): 141–157. DOI: [10.17212/2075-0862-2018-1.2-141-157](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-1.2-141-157).
- Knorre B., Zasyadko A. 2021. Pravoslavnyy antiekumenizm 2.0: mobilizatsionnaya model', sek'yuritizatsiya i revanshizm [Orthodox anti-ecumenism 2.0: mobilization model, securitization and revanchism]. *State, Religion, Church in Russia and abroad*, 2(39): 277–317.
- Cox H. 1996. The secular city. Secularization and urbanization in theological perspective. М., East Lit., RAS: 264 p.
- Lebedev I.A. 2015. Genezis printsiipa «edinstvo vo mnozhestve» v Svyashchennom Predanii Pravoslavnoy tserkvi [The genesis of the principle of "unity in the multitude" in the Sacred Tradition of the Orthodox Church]. *Bulletin of the Chuvash University*, 4: 121–134.
- Lunkin R.N. 2018. Obshchestvenno-politicheskaya rol' religii v Evrope: zapros na khristianskuyu identichnost' [The socio-political role of religion in Europe: a request for Christian identity]. *Contours of global transformations: Politics, Economics, Law*, 11(4): 46–64. DOI: [10.23932/2542-0240-2018-11-4-46-64](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-46-64)

- Makarkin A. 2021. Kriterii fundamentalizma v Russkom Pravoslavii [Criteria of fundamentalism in Russian Orthodoxy]. In: Systemic problems of Orthodoxy: analysis, comprehension, search for solutions. Materials of the second seminar. M., Sobornost Project: 97–107.
- Malakhov V., Letnyakov D. 2021. Postkhristianskoe ili postateisticheskoe obshchestvo? Nekotorye osobennosti rossiyskogo rezhima sekulyarnosti [Post-Christian or post-atheistic society? Some features of the Russian regime of secularity]. *State, Religion, Church in Russia and abroad*, 39(1): 245–266.
- Semenova V.E., Semenova L.E. 2017. Khristianskaya tserkov' v sovremennom mire: ee sushchnost', traditsiya androtsentrizma i novye tendentsii [The Christian Church in the modern world: its essence, the tradition of androcentrism and new trends]. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 1: 115–122. DOI: [10.17072/2078-7898/2017-1-115-122](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-1-115-122)
- Filatov S. 2012. Patriarkh Kirill – dva goda planov, mechtaniy i neudobnoy real'nosti [Patriarch Kirill – two years of plans, dreams and uncomfortable reality]. In: The Orthodox Church under the New Patriarch / Edited by A. Malashenko, S. Filatov. M., ROSSPEN: 9–68.
- Chapnin S. 2021. Predislovie. Neskol'ko slov o «tserkovnom liberalizme» [Preface. A few words about "church liberalism"]. In: Systemic problems of Orthodoxy: analysis, comprehension, search for solutions. Materials of the second seminar. M., Sobornost Project: 7–9.
- Shishkov A. 2021. Kto skryvaetsya v teni: kontury temnoy ekkleziologii [Who hides in the shadows: Contours of dark Ecclesiology]. *State, Religion, Church in Russia and abroad*, 39(2): 61–89.
- Shtekl K. 2018. Tri modeli tserkovno-gosudarstvennykh otnosheniy v sovremennoy Rossii [Three Models of Church-state relations in Modern Russia]. *State, Religion, Church in Russia and abroad*, 3: 195–223.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.03.2022

Поступила после рецензирования 30.06.2022

Принята к публикации 30.08.2023

Received March 15, 2022

Revised June 30, 2022

Accepted August 30, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гаврилов Олег Фёдорович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и общественных наук, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия.

Жукова Ольга Ивановна, доктор философских наук, заведующая кафедрой философии и общественных наук, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия.

Казakov Евгений Фёдорович, доктор культурологии, профессор кафедры философии и общественных наук, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg F. Gavrilov, PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Olga I. Zhukova, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Evgeny F. Kazakov, Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.